

Николай ВОРОНОВ

Истина о самом себе

О подмосковном Переделкине, Магнитке, Калуге, Оптиной пустыни, Москве и о тех, кто был оклеветан

Продолжение. Начало в № 55, 58, 61, 63, 66, 69, 72, 75, 78, 81, 84, 89, 93.

Твардовский пел с Фадеевым

...Парнишкой, бросившим гимназию, Игорь Сац вступил в отряд Щорса. От Саца я и узнал, что большинство Богунского полка составляли анархисты. Завзятый бражник, Сац любил попеть в застольях. Вместе с Твардовским он изливал душу в тягучей «Летят утки...». Но лучше всего эта песня удавалась Твардовскому, когда пел с Александром Фадеевым. Они же певали вынимающую душу «Как на темный берег...». В переделкинской пивной, названной студентами литинститута Никишкин-холл, слышал я однажды ранним утром, как пели «Темный берег» Твардовский с Фадеевым. Наискосок через реку находилась дача Фадеева, они пришли сюда опохмелиться и выводили песню грузновато, надрывно, что делало ее притягательной до плача. Пение народных песен наследовалось тогда снизу доверху.

Новомирская склонность к простоте, зачастую равная безыскусности (влияние Твардовского, разумеется), покинула Игоря Саца, едва он сел на роля и затевал гимн анархистов «Черное знамя»: голос набирал оперную патетику, облик отчеканивался – крылатый разброс прически, вдохновенная отверделость лица, лихая посадка, будто на боевом коне. Был ли Сац анархистом, я постеснялся спросить. Не спросил я того и у его друга по Богунскому полку Евгения Герасимова, который одно время возглавлял отдел прозы и был заменен молодым Игорем Виноградовым, теперь издающим «Континент». Едва вышли в свет «Воспоминания» Петра Кропоткина с прекрасным предисловием Валентины Твардовской, сияющий Сац подарил мне эту книгу. И он был очень торжествен, когда Евгений Герасимов в своей новомирской публикации впервые необлыжно рассказал о решающей роли Нестора Махно и его войска при взятии Гуляй-поля. Герасимов пошел навстречу официальной хуле, тогда поощряемой.

Родством с Анатолием Васильевичем Луначарским (Сац был родным братом жены знаменитого наркома, Наталии Розенель) он никогда не хвастал. Обязанности его секретаря выполнял с превышением. Беседы Луначарского, лекции под стенограммы, конспекты выступлений благодаря Сацу превращались в книги. Огромный том «Литературного наследия», посвященный Луначарскому, обрел жизнь во многом благодаря жертвеннической работе Игоря Александровича.

Люди редчайших достоинств

В друзьях у Саца были редчайших достоинств люди. Рассказывая о двух из них, он впадал в экстаз: об Иване Ивановиче Горобце, солдате-разведчике, с которым воевал в Отечественную, и об Андрее Платонове. Игорь Александрович был членом редколлегии «Литературного критика», когда там были напечатаны (1936 г.) два рассказа Платонова – «Третий сын» и «Фро». От Игоря Александровича я впервые услышал, как Платонов задумал проехать путем Радищева из Петербурга в Москву. На гонорар, командировочные и призначенные деньги Платонов купил лошадь, сбрую, телегу

Андрей Платонов был занесен в список нежелательных авторов

и отправился в путешествие. Однако – рассказывал Сац – довольно скоро он продал животину, телегу, дорожный скарб и запил. Домой вернулся пешком, мрачный, закрылся (жена Алексея Веденевица Кожевникова, Анна Гавриловна – она была редактором Гослитиздата – говорила мне о списке нежелательных авторов, имевшемся до Отечественной войны в Гослитиздате, куда прочно-напрочно был занесен Андрей Платонович Платонов. От нее же я слышал о циркуляре, которым запрещалось употреблять в издаваемых книгах слова, отсутствующие в словарях. Барственная неприязнь к областным словам и выражениям, то бишь языковой черни, была весьма распространена).

Игорь Александрович Сац был назначен редактором моего романа. Взяв с собой израненный роман, прошедший в «Новом мире» предварительное чтение, я повез семью в Коктебель. Жена Таня купалась только ранним утром и в сумерки – в жару не позволяла болезнь. Днем пряталась в тени. Наши ребяташки, Ирина и Антон, совершали подводные и горные путешествия. Мы с Антоном обныривали Сердоликовую бухту и рыбачили. Однажды чуть не поймали морского черта, но он сошел, и мы, увидав длинные, ядовитые иглы его гребня, радовались, что избежали опасности, поскольку находились на шипастой скале, по которой ступать невозможно.

Приморская, хоть и в каждодневных трудах передышка, не подготовила мои силы к редакторской работе с Игорем Александровичем... Просматривая по возвращении с юга первую главу с правкой Саца, я поражаюсь произволу его редактур.

Он коверкал ритм и мелодику главы, не удосужась хотя бы вскользь вслушаться в ее лад. Перекидывал слова из головы в конец, из окончания в начало. Предложение сложное – он превращал в несколько простых или отсекал придаточные. Втакивал собственные синонимы.. Душил текст деепричастными оборотами. Рушилась моя музыка, мое видение.

Шло на слом мое Я. Он коверкал ритм и мелодику главы, не удосужась хотя бы вскользь вслушаться в ее лад. Перекидывал слова из головы в конец, из окончания в начало. Предложение сложное – он превращал в несколько простых или отсекал придаточные. Втакивал собственные синонимы.. Душил текст деепричастными оборотами. Рушилась моя музыка, мое видение.

Лучшие рвались в «Новый мир»

...Сац сидел на кухне в нашей калужской квартире, попивал чай с Татьяной Петровной. Взбросил глаза. Ни вопроса, ни заботы.

– Игорь Александрович, вам надо писать самому.

– В каком смысле?

– В прямом.

Не сморгнул. Лучшие авторы рвались в «Новый мир». Судьба писателя до печатания в «Новом мире» – еще не судьба. Не предпосылка ли к редакторскому всевластию у его сотрудников-коренников? Позвал в кабинет. Он вроде озадачился: вы огорчены редактурой? Разбой редактурой не назовешь. На двух редколлегиях фактически не было замечаний по языку.

Мы поругались до крика. Он пригрозил, что сейчас же уедет. И я рывкнул:

– Ну и уезжайте!

Татьяна Петровна не отпустила гостя без обеда. А там, глядишь, Воронов охолонет, да и вы поостыните. Она примирила нас, как мирила детей в своей английской школе. Мы были отходчивы. Договорились так: берем чистый экземпляр романа, он читает, делает замечания, я, если

принимаю, – правлю или оставляю на обдумывание; не принимаю – идем дальше. Здорового мира хватало, и все же раз пять ссорились до опупения. Ради успокоения подпрыгивающей своей походкой он уходил к пристани на Оке. Я брел в союз писателей Калуги, где работал с двух часов дня.

Доставили телеграмму от Твардовского. Приглашал в журнал. Тревоги я не почувствовал, но взволновался. Волнение разогнал Кондратович междугородним звонком. Объяснил: если Твардовскому вещь понравилась, произносит на редколлегии речь. Я спросил, кому посчастливилось слушать такую речь, помню, называл Яшина. Троепольского, Можая, Семина, Быкова, Белова, Соколова-Микитова... В спешке запомнил не всех.

Софья Ханановна подала мне верстку «Юности в Железнодорожье» (так теперь назывался роман) и сказала, что Александр Трифонович уже осведомлялся, прибыл ли я. Направился к стулу возле высоченной, по-старинному, дверной створки, но Софья Ханановна молча указала на ближе к ее столу кресло. Присел, не откидываясь. И тут вырвался из кабинета Твардовский. Взъяренная досада в лице. Увидел меня – выдохнул: «Хорошо!» Мгновенное смягчение в лице. И затряс листок в пальцах огромной ладони:

– К одному готовишься, какой-то да захлест. Позвонили из секретариата союза. Срочно нужна бумага на Буртину. Отвезу Воронкову. Вместе со своей Воронков направит ее в Моссовет – и, глядишь, квартира выгорит. – И обратно ко мне: – Придется подождать. Бог есть! Измочалила Буртина бездомность. Мигом обернусь.

Лапти из села Дурасовка

Он постоял, успокаиваясь. Тихо вернулся в кабинет. Через секунду в приемную вошел Сергей Павлович Залыгин. Мерклый. Когда Кондратович накануне вечером звонил мне в Калугу, он сказал, что днем редколлегия обсуждала эссе Залыгина «Мой Чехов» и единогласно отклонила его, но что Твардовский дал Залыгину исключительное обещание: вы, Сергей Павлович, наш постоянный автор и если решите все же напечататься у нас, я волей и положением главного редактора опубликую вашего «Чехова». Это эссе я читал, из рук Залыгина, месяца за полтора до новомирского обсуждения. Оно покорило меня своей тонкостью, но я предупредил Сергея Павловича, что в «Новом мире» с этой вещью буудт у него осложнения. Там такие произведения считают литературщиной. В телефонном разговоре с Кондратовичем я укорил Алексея Ивановича, что он поддался предубеждению, с чем он строго не согласился: «Художнику надо писать жизнь».

Я ощутил неукротимую до оторопи залыгинскую уязвленность и все-таки попробовал склонить его не падать ниц перед решением редколлегии, тем более что по воле Твардовского он может поступить по собственному усмотрению.

Опять забота о Буртине вырвала Твардовского из кабинета. Мгновенный выдох:

– А, Сергей Павлович... Здравия желаю! – Бумага в союз писателей еще не была готова, и А. Т. гребанул лопатой ладони в проран кабинета: – Заходите.

Я сел в левое усадистое кресло, Залыгин – в правое.

Рывком, снизившись над столешницей, Александр Трифонович придвинулся к Залыгину:

– Ну, как решили?

– Заберу, – ответил Сергей Павлович опустошенно.

– Без обиды? – глухо спросил Твардовский. – На самом деле, не обидитесь?

– На нет лапти не плетут.

– Смутно.

– У нас в селе Дурасовка под Стерлитамаком заказные лапти доплетались после примерки. Я сплел лапти на нет. Плел не по заказу. Не по ногам они пришлись вашему журналу. Забираю. Без обиды.

– Молодцом!

Твардовский освобожденно встал. Поручался с ним Сергей Павлович, обуян все той же мглистой тускло-той.

– Знаете? – спросил А. Т., едва Залыгин вышел.

– Знаю, но на вашем месте я бы напечатал его.

– Он поступил в согласии с честью.

– Честь иной раз неотделима от безвыходности.

– Я предложил ему полный выход. И вы свидетель – не понуждал Сергея Павловича к отказу.

– Да, верно.

Софья Ханановна принесла бумагу. Твардовский посоветовал мне отобедать в их буфете, по-мальчишески похвастав, что передал в буфет связку горячих бубликов, и шустро побежал вниз по лестнице.

Перед буфетом я встретил Юрия Буртина, поднявшегося снизу, из дела публицистики. Лицо как всегда – словно объято солнцем. Я первым известил его об удаче. И мы пообедали, умяв напоследок по огромному золотистому бублику со свежей заваркой индийского чая.

Возвратился А. Т. счастливым. Даже одышка его, – бурно взбежал по лестнице, – была пронята радостью. Пока собирались, он сидел прямо, вытянутые руки держал на ребрах ладоней, мизинцами трогал уголки верстки романа, а теперь повести «Юность в Железнодорожье». На всех подгребавших смотрел по-отцовски приветным взглядом. Осунувшийся Деметров тронул меня за плечо: «Николаша» – и погрузился в кресло напротив. Тяжелый, насквозь прокуренный Марьямов, притом всегда неунывный, поместился близ дверей. Сац – орлиный профиль, до мерцания отглаженная индийская сорочка, усталый в очко и улыбнувшийся мне, покивал туда. На подоконнике красный сизарь, пританцовывая, ворковал над чубарой домашней голубкой. Сац обнялся с Лакшиным и с ним вместе сел позади меня. Оба поздравили меня с праздником. Я понимал, что случай сегодня особый, но чтобы праздник... Однако когда пришли Дорощ, Кондратович, Хитров, я понял, что происходящее – некое редакционное торжество.

Продолжение следует.